

Приходько Вера Сергеевна

**КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК ЧАСТЬ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА ПЕРЕВОДА С
НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО ЯЗЫКА В РОМАНЕ УРСУЛЫ К. ЛЕ ГУИН "ALWAYS COMING HOME" /
"ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЯСЬ ДОМОЙ"**

В статье рассматривается имитация приема калькирования в романе Урсулы К. Ле Гуин "Always Coming Home", где применяется необычный литературно-стилистический прием перевода с несуществующего языка. Появляющиеся в таком "переводе" метонимии, метафоры, деформации устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, авторские неологизмы, нестандартные сочетания грамматических времен и т.д. передают специфику мировосприятия вымышленного народа Кеш, который является для автора романа идеалом духовного развития.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-2/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 2. С. 152-157. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

GENDER FACTOR IN SPORTS COMMENTATORS' SPEECHES IN THE USA AND RUSSIA

Pak Leonid Evgen'evich*Far Eastern Federal University**Vladivostok State University of Economics and Service**Leonid.pak@vvsu.ru*

The article analyzes the effect of gender factor in sports commentators' speeches. The study was conducted on the basis of the material of comments (in Russian and English) on tennis matches by journalists in Russia and the United States. Paying particular attention to the analysis of lexis, grammatical structures, speech genres and strategies, the author makes an attempt to show that the gender factor can be taken into account within the framework of cognitive approach.

Key words and phrases: gender; gender factor; cognitive approach; cognitive model; sports comment.

УДК 811.11-112:81-139

В статье рассматривается имитация приема калькирования в романе Урсулы К. Ле Гуин «Always Coming Home», где применяется необычный литературно-стилистический прием перевода с несуществующего языка. Появляющиеся в таком «переводе» метонимии, метафоры, деформации устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, авторские неологизмы, нестандартные сочетания грамматических времен и т.д. передают специфику мировосприятия вымышленного народа Кеш, который является для автора романа идеалом духовного развития.

Ключевые слова и фразы: Урсула К. Ле Гуин; «Always Coming Home» / «Всегда возвращаясь домой»; псевдоперевод; несуществующий язык; стилистический анализ; калькирование; культурные реалии.

Приходько Вера Сергеевна, к. филол. н.

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону**vera.s.prikhodko@yandex.ru***КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК ЧАСТЬ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА ПЕРЕВОДА
С НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО ЯЗЫКА В РОМАНЕ УРСУЛЫ К. ЛЕ ГУИН
«ALWAYS COMING HOME» / «ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЯСЬ ДОМОЙ»**

Урсула К. Ле Гуин – выдающийся автор произведений в жанрах фэнтези и философской фантастики («soft science fiction»). Ее прозу отличает тонкий психологизм и обращение к противоречивым темам [5, p. 522], в связи с чем большинство исследований ее творчества рассматривают такие аспекты, как гендерный, социально-психологический, философский и т.п. Со стилистической точки зрения ее тексты также демонстрируют несомненную эстетическую ценность, однако работы, посвященные лингвостилистическому аспекту ее индивидуально-авторского стиля, встречаются гораздо реже [10].

Роман «Всегда возвращаясь домой» (1985) имитирует собрание текстов, представляющих устную и письменную культуру вымышленного народа Кеш, с комментариями исследователя-антрополога по имени Пандора. Как известно, родители писательницы Альфред и Теодора Крёбер немало времени посвятили исследованию культуры коренных народов Америки. Хотя Ле Гуин в интервью «признается, что прочла работы своего отца довольно поздно» [5, p. 522], все же, создавая свою личную утопию, народ, который, «возможно, будет населять территорию Северной Калифорнии в далеком-далеком будущем» [8, p. 9], она взяла в качестве прототипа именно индейскую культуру.

Язык играет в мировоззрении народа Кеш первостепенную роль, поскольку в основе его лежит Метафора [Ibidem, p. 55]. Интервью Ле Гуин отчетливо демонстрируют ее восприятие языка в духе доисторических культур: «Если вам известно имя вещи, вам известна ее сущность» [6, p. 96]. В рассматриваемом романе Ле Гуин использует прием перевода с несуществующего языка, который включает в себя ряд языковых средств различных уровней. Описаний аналогичных стилистических явлений на основе других текстов в исследовательской практике не обнаружено.

В жанрах фэнтези и фантастики вымышленный язык применяется с целью создать экзотический колорит, придать правдоподобие вымышленному миру, заинтриговать читателя и т.п. Ле Гуин всегда интересовала возможность отражения в языке менталитета фантастического народа или психологических особенностей конфликта (см., в частности [10, p. 306]). Однако рассматриваемый случай уникален тем, что здесь вымышленный язык «пока еще не существует» [8, p. 9] даже в рамках самого романа. Автор дает о нем немало сведений, но, в первую очередь, опосредовано: читатель имеет дело с тем, как его особенности отражаются в уже «переведенных» текстах.

По этой же причине роман нельзя ставить в один ряд с псевдопереводами, разновидностью литературной мистификации, «когда оригинальные художественные произведения выдаются за переводы с иностранных

языков» [3, с. 476], а истинный автор выступает якобы в роли переводчика или редактора. Цели создания псевдоперевода всегда достигаются за счет категорического «отчуждения» текста от истинного автора [1], в то время как у Ле Гуин элемент мистификации полностью исключается: «переводимые» тексты, собственно, еще не написаны. Автор утверждает, что такой перевод «не так уж и отличается от обычного» [8, р. 9], тем не менее языковые особенности ее текста свидетельствуют об обратном.

Автор выдвигает «переводческие» трудности и приемы на первый план, что обыкновено не приветствуется в качественном художественном переводе [9, р. 29]. Исключением являются переводы антропологически значимых текстов, изобилующие сносками и экзотизмами [11]. В романе есть разделы, которые можно считать литературной имитацией ритмизованных поэтических импровизаций американских индейцев, которые «по ошибке записывались как прозаические тексты» [9, р. 29]. А стилистическое своеобразие обнаруживается в основном в прозаических разделах: «Камень говорит» и «Опасные люди». Автобиографическая проза также характерна для литературного наследия коренных американцев, «начиная с автопереводов современных индейцев Лакота <...> и заканчивая переводами-интерпретациями...» [Ibidem, р. 28]. Примечательно, что «тексты коренных американцев часто <...> используют перевод как стилистический троп для выявления противоречий и путей примирения “доминирующих” и “маргинальных” культур и языков» [4, р. 39]. Однако даже особенности передачи в таких переводах имен собственных и создания экзотизмов как результата «транскрибирования» обозначений культурных реалий у Ле Гуин демонстрируют значимые отличия (см. подробнее [2]), вызывая эффект «глубокого погружения» читателя в иную культуру, создания у него ощущения сопричастности миру романа.

Уникальной является в романе имитация приема калькирования, т.е. использование целого ряда морфологических, грамматических и синтагматических отклонений от нормы литературного английского языка, приобретающих ярко выраженную стилистическую функцию. Акцент смещается на язык «перевода», позволяющий или не позволяющий отразить те или иные категории языка Кеш, и далее – на специфику современной «западной» культуры, для критики которой, по мнению Ле Гуин, жанр фантастики подходит как нельзя лучше [6, р. 7]. Целью данного исследования являются анализ указанных языковых явлений и интерпретация их стилистических функций, т.е. тех особенностей менталитета народа Кеш, которые они призваны отражать.

Наиболее ярко выражено в романе одушевление окружающего мира (анимизм), которое преподносится как более естественное и адекватное мировосприятие. Для этого используется олицетворение, которое является в «оригинале» языковой нормой. Регулярно употребляются личные местоимения *he/she* по отношению к животным, не только домашним, но и диким: «Our cat was black <...> We traded **her** kittens for himpi» / «У нас была черная кошка <...> Мы обменивали ее котят на химпи»¹, «...the green-tailed cock frightened me. **He** knew it» [8, р. 16] / «...я боялась нашего зеленохвостого петуха. И он это знал»; «I had not seen **her** (the coyote) in her House» [Ibidem, р. 27] / «Я не встречала ее (койота) в ее Доме». В то же время к ребенку может относиться местоимение *it*, даже если он уже не младенец [Ibidem, р. 69], но недостаточно индивидуален как личность. В начале раздела «Камень говорит» обращает на себя внимание тавтология «human people» [Ibidem, р. 16] / «человеческий народ» (другой трудно переводимый пример: «she (coyote) <...> had never seen a human person» [Ibidem, р. 27] / «она (койот) <...> никогда не видела никого из человеческого народа»), которая затем превращается в «people died of hunger, human and animal» [Ibidem, р. 70] / «люди гибли от голода: и человек, и животное». Выражение «wild and domestic people» [Ibidem, р. 122] / «дикие и домашние люди» должно восприниматься читателем уже совершенно естественно, а внутритекстовый комментарий «редактора-переводчика», что слово «people» / «люди» включает животных, растения, сновидения, скалы [Ibidem, р. 158] оказывается уже во многом избыточным.

С представлением о равной одушевленности и разумности целого ряда существ, помимо человека, связаны появление авторских неологизмов «woman-cat»² [Ibidem, р. 275], «woman-dog» [Ibidem, р. 289], «kept alone even in dogtown» [Ibidem] / «одинокая даже в собачьем городе (среди других собак)» с ярким элементом олицетворения, а также контекстуальная демегафоризация (буквализация) сочетаний неодушевленных существительных с глаголом *speak*: «I could not speak to a dog» [Ibidem, р. 16] / «Я не могла говорить с собакой»; «I was going to stop and speak to it (rock)...» [Ibidem, р. 26] / «Я собиралась остановиться и заговорить с камнем».

В калках, представляющих собой метафоры с использованием частей человеческого тела, в качестве объекта встречаются не только те существа, которых и современная западная культура признает «живыми» (как, например, птиц: «feather-fingers» [Ibidem, р. 30] / «перья-пальцы»), но и неодушевленные предметы: «in the skin of the water» [Ibidem, р. 28] / «на коже воды», «skin of the red bolder» [Ibidem, р. 102] / «кожа красного валуна». Базовый схематический символ мироустройства в представлении Кеш, изображаемый в виде двух «рукавов», расходящихся из единого центра и закрученных по спирали, также содержит в себе такую метафору: «walked in the arm of life» [Ibidem, р. 17] / «шли вдоль руки жизни». В отношении любых «людей, народов» (people) используются глаголы говорения («no bird spoke» [Ibidem, р. 101] / «ни одна птица не говорила», «it (rock) was speaking to me» [Ibidem, р. 26] / «камень заговорил со мной») и активного действия и волеизъявления (в достаточно фактографическом тексте встречаем: «mountains let go the sun's edge» [Ibidem, р. 18] / «горы отпустили край солнца»; «the earth's curve and the sun's curve parted» [Ibidem, р. 26] / «изгиб земли расстался с изгибом

¹ Все переводы примеров из текста являются буквальными и близкими к тексту для передачи точных значений слов. Автор статьи не ставил перед собой задачу сделать художественный перевод.

² Здесь и далее наличие и частотность употребления слов и словосочетаний в английском языке проверялись с помощью Corpus of Contemporary American English [7].

солнца)), что переворачивает наше представление о доминирующей позиции человека по отношению к природе: «before a spring let me find it» [Ibidem] / «прежде чем источник позволил мне себя найти», о добытом на охоте олене: «that Blue Clay person who gave himself to you» [Ibidem, p. 286] / «этот человек дома Голубой глины, который отдал себя тебе», «he came, and died on my arrow» [Ibidem] / «он пришел и умер на моей стреле».

Метафорический перенос возникает и в обратном направлении: о людях говорится как о деревьях («Are they all gingkos?» [Ibidem, p. 43] / «Они что, все гинкго?»), чтобы отметить некоторые качества, которые они разделяют (в данном случае, вынужденную гомосексуальность), или как о животных: «What if I went there and smelled the air?» [Ibidem, p. 103] / «Что если я пойду и разнюхаю, что там?».

Равнозначность взаимоотношений между людьми и «другими народами» проявляется в необычном употреблении предлогов, которое в предложении «I learned <...> with his mother's brother <...> and with orchard trees» / «Я учился <...> с братом матери <...> и с садовыми деревьями» «переводчик» даже счел нужным отметить сноской [Ibidem, p. 235], объясняя, что в Кеш используется некий суффикс -oud, означающий равноценные взаимоотношения («reciprocal relationships») в процессе обучения, и потому в «переводе» появляется *with*, вместо стандартных *from* (у кого-то) и *about* (о чем-то). Фразеологизмы «things go my way, go out of her way, go my way», где речь идет о том, чтобы поступать по-своему при поддержке или пренебрежении внешнего мира, трансформируются в «I could not go her way» [Ibidem, p. 27] / «Я не могла идти ее путем», где героиня пытается, блуждая в горах, «следовать пути койота», т.е. стать частью природного мира.

В разделе «The Back of the Book» (комментарии антропологического характера, подкрепляющие интуитивные догадки читателя) «редактор-переводчик» поясняет появление олицетворений в переводе с Кеш: «Называть оливковое дерево бабушкой или овцу – сестрой, обращаться к полю величиной в полакра, которое вспахиваешь для посева, “мой брат” – такое поведение легко с пренебрежением счесть примитивным, или символическим. Для Кеш, напротив, тот, кто не понимает и не принимает таких взаимоотношений, – человек, примитивный по своему развитию, а восприятие его далеко от реальности вещей» [Ibidem, p. 362].

Появление в «переводе» несуществующих в английском языке сложных слов нередко связано с обозначением объектов материальной культуры: «hearthseat» – место у очага [Ibidem, p. 45], «steep street-path-steps» – улица-тропа-лестница [Ibidem, p. 158]. Такие кальки можно встретить и в переводах индейских текстов. Однако у Ле Гуин они чаще соотносятся с культурой нематериальной: «side-grandfather» – представитель категории «родства по выбору» [Ibidem, p. 29, 365]; «half-person» – человек, имеющий родственников только с одной стороны [Ibidem, p. 17]; «unmarried, singlesexed» – предположительно, обозначение гомосексуальности [Ibidem, p. 42]; «death-words» – ритуальные похоронные формулы [Ibidem, p. 88]; «the work of handmind» – творческая ручная работа [Ibidem, p. 161]; «the mind-soul» – ум-душа [Ibidem, p. 164]; «my breath-soul» – дыхание-душа [Ibidem, p. 173]. Уже этот ряд сложных авторских неологизмов характеризует представления Кеш о душе и ее проявлениях, о родственных взаимоотношениях. Далее эта характеристика подкрепляется лексико-грамматическими изменениями – с более тонкой игрой смыслов. Например, употребление сочетания «моя мать» во множественном числе («My mothers were not enthusiastic about that» [Ibidem, p. 240]) невозможно как в русском, так и в английском языке. Контекст дает понять, что речь идет о маме и бабушке, которые у Кеш воспитывают детей и оказывают на них равно значимое влияние. Слово «душа» появляется в «устойчивых» выражениях с элементами олицетворения («the child is feeding her soul» [Ibidem, p. 17] / «ребенок кормит свою душу») и в качестве «дополнения» к уже существующему фразеологизму: «I was cold to the bone and cold to the soul» [Ibidem, p. 44] / «Я промерзла до костей и до глубины души», что свидетельствует о закреплённой в языке Кеш значимости души, в отличие от языка английского, отражающего материальность современного человека. Сходная идея встречается в текстах легенд североамериканских индейцев: «Extreme cold of the winters froze away their humanity» / «Зимний холод выстудил их человечность» [11, p. 43] – выражение образное, но не устойчивое.

Целый ряд любопытных языковых явлений связан с нашим пониманием фундаментальных процессов в жизни человека. О рождении ребенка говорится исключительно в активном залоге, причем с использованием глагола *make*, имеющего коннотации мягкого принуждения: «A boy made Adsevin and her husband his parents» [8, p. 104] / «Мальчик сделал Адсевин и ее мужа своими родителями». Выражение с глаголом состояния «to be ill» превращается в действие, требующее определенного навыка: «learning how to be ill» [Ibidem, p. 234] / «обучаясь, как болеть», у глагола *die* активизируется сема длительности (он начинает употребляться вместе с *begin*) и волевого, сознательного действия – в сочетании с модальным глаголом: «I have to begin dying» [Ibidem, p. 228] / «Я вынужден начать умирание». В «The Back of the Book» говорится о восприятии народом Кеш как деятельности многого из того, что мы привыкли считать происходящим без нашего активного участия, в частности, болезни и смерти («больной человек здесь не пациент, а деятель» [Ibidem, p. 412-413]).

Обращает на себя внимание последовательное использование метонимической перифразы, когда речь идет о возрасте человека. Например, о детях: «все еще носили неокрашенную одежду» [Ibidem, p. 65, 97]; «большинство из нас еще с первыми именами» [Ibidem, p. 33]. Встречается также метафорическое оформление упоминаемый перехода из детства во взрослое состояние: «your clearwater years» [Ibidem, p. 25] / «твои годы прозрачной воды»; «when she came inland» [Ibidem, p. 66] / «когда она ушла от берега моря» (это же выражение употребляется и по отношению к мужчине [Ibidem, p. 124]). Это типично в целом для традиционных обществ в связи с ритуальными табу. Культура Кеш, однако, ведет счет лет и не табуирует сведения о рождении человека, но значительно смещает ценностные акценты, во-первых, говоря, что человек «живет» в таком-то «доме» (клане) какое-то количество лет («Сколько он уже прожил в Доме Луны?» [Ibidem, p. 280]; «К тому времени Дьюх прожил

в Третьем Доме уже сорок лет» [Ibidem, p. 275]), во-вторых, отсчитывая жизненный цикл с зачатия, а не рождения, в связи с чем в качестве начальной точки может фигурировать праздник Луны, связанный с сексуальными практиками: «Я живу в Третьем Доме Земли с Танца Луны семь лет назад» [Ibidem, p. 227]. Такая перифраза свидетельствует о наличии представлений о метемпсихозе, о жизни на земле как временном состоянии и о внутриутробном развитии плода как важной составляющей жизни человека. Возможно, здесь же можно найти объяснение неожиданной традиции отсчитывать этажи дома сверху вниз: «...на первом этаже под крышей <...> на втором этаже над погребями» [Ibidem, p. 111] – как направление «нисхождения» мира и души.

Большинство грамматических изменений наблюдаются в словах и выражениях, обозначающих ментальные и речевые процессы, так как мысль и язык связываются в представлении Кеш (в полном соответствии с убеждениями автора) с активным воздействием на окружающий мир. Дополнения, обозначающие события, для современного человека напрямую с ментальной или речевой деятельностью не связанные, в сочетании с глаголами *think, tell, sing, dance* вместо предложных становятся прямыми: «She thought an earthquake» [Ibidem, p. 227] / «Она подумала землетрясение»; «I will tell that journey» [Ibidem, p. 17] / «Я расскажу это путешествие»; «we danced the Rain down to the sea...» [Ibidem, p. 29] / «Мы танцевали дождь вниз, в море»; «it was spoken to you» [Ibidem, p. 33] / «его сказали тебе» – о найденном символическом предмете. Эти процессы приобретают характер ритуала, формирующего действительность: «They dance their life» [Ibidem, p. 389] / «Они танцуют свою жизнь». Данное представление характерно для многих традиционных культур, в том числе и североамериканских индейцев, но в переводах не принято нарушать нормы языка ради его передачи. Явно привычные для рассказчика действия облакаются в «переводе» в тропы, тесно связывающие мысль и слово с вещами или физическими действиями: «песня, которую я получила» [Ibidem, p. 24], «we were drumming up their courage» [Ibidem, p. 30] / «наши барабаны поднимали их храбрость»; «корзина <...> чтобы помнить в ней вещи» [Ibidem, p. 32]; «to take a pebble <...> to hang your knowledge on» / «взять гальку <...> чтобы повесить на нее свое знание».

Статус вещи, предмета в культуре Кеш вообще довольно высок. Так, в «переводе» встречаются причастия прошедшего времени, образованные от вербализованных существительных («feet shod» [Ibidem, p. 18] / «обутые ноги»; «bannered dancing place» [Ibidem, p. 19] / «площадь, увешанная флагами»; «terraced with vine» [Ibidem, p. 21] / «превращенный в террасу лозами»; «lidded basket» [Ibidem, p. 32] / «корзина с крышкой», и даже «felt awed» [Ibidem, p. 18] / «чувствовал трепет»), где транспозиция существительного (одновременно и адъективирующего, и вербализующего характера) явно передает воздействие одного предмета на другой, изменение его состояния или даже сущности.

Пристальное чтение выявляет также случаи использования неличной формы глагола со значением существительного (Gerund) там, где в английском более естественным было бы употребление личной формы: «because the going was easy alongside it» [Ibidem, p. 28] / «потому что идти вдоль нее было легче»; «with a wanting that is powerful» [Ibidem, p. 36] / «с сильным желанием»; «The Train's direction of going was...» [Ibidem, p. 227] / «Направление следования поезда было...». Построение высказывания в английском языке вокруг глагольной формы можно интерпретировать как отражение самооценности действия в западной культуре, для которой, по мнению автора, характерна суэта и вечная спешка (см. комментарии о длинных названиях домов [Ibidem, p. 346]), в то время как в Кеш действие «овеществляется», кристаллизуется в объект, сущность и назначение которого может оцениваться беспристрастно. Пожалуй, наиболее ярким примером можно считать «we all die it (dying)» [Ibidem, p. 107] / «мы все умираем свою смерть», хотя он и появляется в стихотворном тексте, где языковые трансформации более привычны, но в целом стиль стихотворений в романе не намного сложнее прозаических частей.

Значимость вещи, овеществленного действия для Кеш прослеживается и в использовании суффикса *-ness* как продуктивной модели с эффектом абстрактивации значения: «when the rockness of you ends» [Ibidem, p. 222] / «когда истощается твоя каменность»; «you manifest / many-quailness» [Ibidem, p. 110] – обращение к перепелке в стихотворении, как к воплощению сущности «перепелиности». В комментариях подробно описывается специфическая грамматическая категория Кеш: *Earth and Sky Modes* (модальности земли и неба) – «основополагающее грамматическое явление» [Ibidem, p. 50]. «Переводчик» утверждает, что для письменных текстов оно не существенно, т.к. модальность земли появляется только в устной речи, и в повествовательных текстах лишь один раз в диалоге дается транскрипция двух форм – для различения мысленного образа и реального человека: «Whettez-Whette?» (интерпретация: «Это был реальный человек или тебе привиделось?»). Однако в записи устной ритуальной формулы слово *deer* в модальности неба «переведено» как «deerness» [Ibidem, p. 88], т.е. эта модальность, очень часто используемая, в то же время выражает абстрактную сущность вещи. Наличие такой грамматической категории свидетельствует, что высокий статус вещи связывается с восприятием ее как материальной реализации идеальной сущности.

Подтверждение этому можно также наблюдать в ряде метонимических словосочетаний, где абстрактное существительное *death* с определенным артиклем используется для обозначения трупа, туши – т.е. конкретного проявления смерти: «Я спал рядом с этой смертью <...> Сейчас я несу эту смерть в хейимас» [Ibidem, p. 286] (охотник рассказывает об убитом олене); «Мухи слетелись на кровь в шерсти оленьей смерти» [Ibidem, p. 287]; «не было смерти, чтобы нести ее» [Ibidem, p. 85] (о человеке, пропавшем без вести, чье тело нельзя похоронить); «Они пели песни для этой смерти, и кремировали ее на следующий день на месте сожжения» [Ibidem, p. 64-65].

Ментальные процессы описываются в языке Кеш в категориях пространства, что встречается во многих языках, т.к. пространственные отношения более реальны для восприятия. Об этом свидетельствует специфическое переносное употребление в тексте романа наречия *backwards* и прилагательного *reversal*, семантически связанных

с представлением о направлении движения. Авторские неологизмы «reversal-words», «reversal-language» неоднократно употребляются в значении «бессмыслица», «нечто, недоступное пониманию», хотя слова не произносятся буквально задом наперед: «How am I to write all this story in reversal-words?» [Ibidem, p. 176] / «Как могу я писать эту историю обратными словами?» – т.е. все в ней слишком непривычно; «...and all that may be reversal-language» [Ibidem, p. 125] / «...и все это может быть обратная речь» (бессмыслица). Сходным образом употребляется *backwards*: «I had it all backwards» [Ibidem, p. 239] / «Я все понимала в обратную сторону» – я ошибалась; «we talked backwards for a while» [Ibidem, p. 175] / «мы некоторое время говорили, не понимая друг друга». Причем в «оригинале» это не перенос, а совпадение данных категорий. Так, героиня, впервые побывав вдали от дома и вернувшись, описывает свои ощущения как «Я видела все в обратную сторону <...> Никогда после со мной такого не случалось» [Ibidem, p. 25]. Т.е. она одновременно и видела привычный пейзаж «с другой стороны», и ощущала произошедшие с ней внутренние перемены, смотрела «другими глазами».

Категория времени, не менее абстрактная, чем ментальные процессы, в свою очередь, приобретает эмоционально-субъективный характер, заставляя «переводчика» «жонглировать» грамматическими временами там, где речь идет о необычном и запоминающемся опыте. Так, повествование в *Past Simple* может завершаться яркой картинкой-воспоминанием, где используется *Dramatic Present*: «Так идет (walks) она в неподвижном воздухе, залитая солнцем» [Ibidem, p. 22]; «картинка в моей памяти <...> как настенная роспись <...> и колеса на повозке не вращаются (do not turn)» [Ibidem, p. 33]. В короткой автобиографической зарисовке о необычном опыте все действия приводятся в *Past Simple*, а описания, даже те, которые относятся исключительно к моменту события в прошлом, – в *Present Simple*: «...мы пришли (came) к Линии. Она пахнет (smells) как мыло <...> Дар сказал (said), посмотрите, и мы посмотрели (looked), и шум стал (got) очень громким. Поезд пришел (came)! Шум становится (is) сильнее, когда ты (are) стоишь близко» [Ibidem, p. 227]. В другом случае героиня описывает свой эмоционально насыщенный опыт из далекого детства. Внезапно стройная последовательность событий в *Past Simple* прерывается, и все, что она делала дальше, описывается в *Past Perfect*: «Сумерки поднялись (had come up) на гору прежде, чем я нашла (had found) место, которое я не могла найти (couldn't find), и я остановилась (had stayed), где была (was), в нише под корнями деревьев манзанита (толокнянка)» [Ibidem, p. 26]. Страшный для ребенка момент, когда он не мог найти ночлег в лесу, описывается ретроспективно, словно уже из укрытия под корнями дерева. Мы видим, что для народа Кеш прошлое не является оторванным от настоящего, но существует в настоящем человека как часть его внутреннего опыта.

Нерешительный «переводчик», впрочем, не всегда осмеливается прибегать к калькированию. Например, в примечаниях она описывает некое время «timeless present», которое «используется для мифов, снов, рассказов об умерших и церемоний» и «лучше всего передается с помощью английского причастия настоящего времени» [Ibidem, p. 47]. Однако в самой ткани текста стихотворение, в оригинале использующее «timeless present», приводится в *Present Simple* и в языковом плане ничем особенно не выделяется [Ibidem, p. 15].

Таким образом, культурные особенности и специфика менталитета народа Кеш искусно передаются автором «Всегда возвращаясь домой» в языковой ткани и воспринимаются читателем без дополнительных пояснений благодаря имитации приема калькирования. В «переводе» появляются многочисленные стилистические средства (олицетворения, метонимии, метафоры), деформации устойчивых словосочетаний и фразеологизмов английского языка, авторские неологизмы, нестандартные сочетания грамматических времен и т.д., отражающие восприятие животных и растений как равных человеку существ, с которыми он неразрывно связан узами родства, убежденность в силе слова и мысли, их вещественности, значимости вещи как конкретного проявления идеальной сущности, метемпсихозе и реальности прошлого опыта как неотъемлемой составляющей настоящего внутреннего мира человека.

Список литературы

1. Вульф В., Чеботарь С. История литературных мистификаций: от Гомера до Интернета [Электронный ресурс] // Сетевая поэзия. 2003. № 2 (2). URL: http://www.litafisha.ru/periodica/?id=21&t=t&n_id=8 (дата обращения: 16.02.2016).
2. Приходько В. С. Имена собственные и экзотизмы как элементы стилистического приема перевода с несуществующего языка в романе Урсулы К. Ле Гуин «Всегда возвращаясь домой» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 6 (60): в 3-х ч. Ч. 1. С. 144-149.
3. Чупринин С. И. Русская литература сегодня: жизнь по понятиям. М.: Время, 2007. 768 с.
4. Bolaki S. "It Translated Well": The Promise and the Perils of Translation in Maxine Hong Kingston's "The Woman Warrior" [Электронный ресурс] // MELUS. 2009. Vol. 34. № 4. P. 39-60. URL: <http://www.jstor.org/stable/20618099> (дата обращения: 12.02.2016).
5. Collins S. G. Review: Fiddling with Le Guin: Making New Connections with Science Fiction's Anthropologist [Электронный ресурс] // Science Fiction Studies. 2009. Vol. 36. № 3. P. 522-528. URL: <http://www.jstor.org/stable/40649553> (дата обращения: 12.02.2016).
6. Conversations with Ursula K. Le Guin / ed. by Carl Freedman. Jackson: University Press of Mississippi, 2008. 182 p.
7. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 19.10.2016).
8. Le Guin U. K. Always Coming Home. Berkley: University of California Press, 2001. 470 p.
9. Lincoln K. Native American Renaissance. Berkley: University of California Press, 1983. 313 p.
10. Myers V., R. M. P. Conversational Technique in Ursula Le Guin: A Speech-Act Analysis [Электронный ресурс] // Science Fiction Studies. 1983. Vol. 10. № 3. P. 306-316. URL: <http://www.jstor.org/stable/4239569> (дата обращения: 12.02.2016).
11. The Portable North American Indian Reader / ed. by Frederick Turner. N. Y.: Penguin Books, 1977. 628 p.

CALQUING AS A PART OF THE STYLISTIC DEVICE OF TRANSLATION FROM A NON-EXISTENT LANGUAGE IN THE NOVEL BY URSULA K. LE GUIN «ALWAYS COMING HOME»

Prikhod'ko Vera Sergeevna, Ph. D. in Philology
Southern Federal University
vera.s.prikhodko@yandex.ru

The article examines the imitation of calquing in the novel by Ursula K. Le Guin «Always Coming Home», in which an unusual literary-stylistic technique of translation from a nonexistent language is used. Appearing in such translation metonymies, metaphors, deformations of collocations and phraseological units, author's neologisms, unusual combinations of tenses, etc. convey the specificity of the world view of the fictional people Kesh, which is the ideal of spiritual development for the author of the novel.

Key words and phrases: Ursula K. Le Guin; «Always Coming Home»; pseudo-translation; non-existent language; stylistic analysis; calquing; cultural realities.

УДК 81'255.2(=512.157)

В статье рассматривается история перевода якутских фольклорных текстов с момента создания Научно-исследовательского института языка и культуры, начиная с появления переводов якутского фольклора на русский язык, выполненных научными сотрудниками с 1935 г. до 2015 г. Представлены все двуязычные издания за указанный период работы. Отмечено, что Г. У. Эргис – один из основоположников переводческой деятельности фольклорных текстов.

Ключевые слова и фразы: фольклор; фольклорные материал; текст; перевод; якутский фольклор; академическая школа перевода.

Рожина Изабелла Васильевна

*Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ
Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова
Izarozhina@mail.ru*

**ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ЯКУТСКОГО ФОЛЬКЛОРА
В ИНСТИТУТЕ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИГИИПМНС СО РАН)**

Перевод фольклорных текстов (особенно в двуязычном издании) играет важнейшую роль в восприятии фольклора, так как способствует более полному раскрытию содержания и специфических особенностей данных текстов для иноязычного исследователя. В этой статье освещается развитие переводческой деятельности фольклористов относительно ИГИИПМНС СО РАН за 80-летний период работы института.

Решением СНК ЯАССР от 17 сентября 1935 г. был создан Научно-исследовательский институт языка и культуры. Первым директором Института языка и культуры был утвержден выдающийся государственный и общественный деятель, основоположник якутской советской литературы П. А. Ойунский. Несмотря на большие трудности с комплектованием института кадрами в первый состав сотрудников вошли большие энтузиасты своего дела, что подтверждается объемом собранных и изданных материалов. Одним из основных направлений деятельности вновь созданного исследовательского института стало собирание исторического фольклора. Первыми собирателями фольклора были сотрудники института Г. В. Ксенофонтов, Д. И. Дьячковский – Сээн Боло и А. А. Саввин.

История перевода на русский язык якутских фольклорных текстов начинается с имени Г. В. Ксенофонтова – известного историка, этнографа и фольклориста. В 1937 г. Г. В. Ксенофонтов был принят старшим научным сотрудником в Институт языка и культуры при СНК ЯАССР. Одна из первых его работ «Ураангхай сахалар. Очерки по древней истории якутов» [4] была издана в 1937 г. в г. Иркутске. Кроме собирания, фиксации и документирования фольклорных текстов, Г. В. Ксенофонтов сам переводил их на русский язык, чтобы ввести эти тексты в научный оборот. В конце своей монографии он поместил 4 приложения: 1) перевод нерусских текстов (с немецкого и якутского языков), встречающихся в книге; 2) Солук-Боотур (Из сказаний о древних героях Борогонского улуса); 3) список былин, входящих в репертуар сказителя Намского улуса Петра Колесова; 4) оленекская хосунная эпопея. Кроме этого, сделал «Словарь особенных слов (провинциализмов) в говоре якутов-оленевонов». Алфавитный порядок этого словаря сильно отличается от общепринятых. Следующая работа «Эллэйада», сборник исторического фольклора якутов в переводе на русский язык Г. В. Ксенофонтовым была подготовлена еще раньше, но обнаружили ее только в 1965 г. Г. В. Ксенофонтов очень осторожно относился к показаниям информаторов. «Он был глубоко убежден, что показания каждого якута не должны приниматься как народные, и выступил с критикой В. Серошевского, автора этнографического исследования «Якуты», который все рассказы и суждения якутов о старине принимал за научный источник и клал их в основу своих теоретических выводов. С другой стороны, Гаврил Васильевич критиковал грамотного якута из Баягантайского